



Alma Mater

Еженедельная газета Томского государственного университета

◆ Основана в 1931 году. ◆

№ 22 (2053)

ПЯТНИЦА, 13 СЕНТЯБРЯ 1991 г.

◆ Цена 10 коп. ◆

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- Хотите иметь второй диплом? О Высшей школе бизнеса, созданной при ТГУ, рассказывает ее организатор профессор В. А. Гага (см. 1--3 стр.).
- С этого учебного года после 17-летнего перерыва в университете вновь открылась кафедра физиологии и биотехнологии растений. Вы узнаете о ней больше, если откроете вторую страницу.
- Из истории Томского университета. Об ученом-ботанике Л. П. Сергиевской читайте на 2-й стр.
- На третьей странице — продолжение автобиографических очерков Юрия Паскаля.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Бывшие и сегодняшние студенты сердечно поздравляют с юбилеем дорогую Лию Давыдовну Лившиц, старшего преподавателя кафедры немецкого языка.

Мы благодарны Вам за увлекательные лекции, конференции и желаем новых творческих успехов.



9 сентября, в 8.30 утра от главного корпуса университета отъехали автобусы — невзирая ни на какие перипетии политики, студенты, как и в старые добрые времена, отправились «спасать» урожай. Но теперь это уже не бесплатная рабочая сила. С совхозом «Октябрь» заключен договор, по которому он обязуется заплатить за работу картошкой. Картофель этот будет продан по договорным ценам, а вырученные деньги пойдут на плату тем, кто трудился на полях. В свою очередь, и к университету будут применять штрафные санкции (снятие части натуроплаты), если время уборки окажется просроченным. Есть выгода, есть ответственность, а значит, и работать должны на совесть.

Фото С. Двинянинова.

Кадры рыночной экономики

В этом году впервые университет набирает людей, имеющих вузовское образование, в Высшую школу бизнеса.

Подробнее об этом направлении рассказывает в интервью организатор ВШБ профессор В. А. Гага.

В школах менеджмента в октябре начинается новый учебный год. Вы являетесь научным руководителем подготовки кадров для рыночной экономики. Какие нововведения осуществлены при подготовке специалистов новой ориентации?

— Во-первых, расширена подготовка квалифицированных кадров. При нашем университете открыта Высшая школа бизнеса, в составе которой следующие факультеты: менеджмента, экономики и бизнеса, права, международных отношений, на которые принимаются специалисты с высшим образованием и после окончания получают второй вузовский диплом. Учебный процесс построен так, что окончить ВШБ можно за 3 года.

Во-вторых, в школе менеджеров, где в течение года интенсивно изучается полный курс менеджмента, предполагается ввести за счет сокращения общей подготовки следующие направления специализаций: менеджер бухгалтерского учета (гл. бухгалтер), менеджер малого бизнеса, руководитель подразделений крупного государственного предприятия, специалист по восстановлению разрушенного в годы перестройки хозяйственного механизма, менеджер совместного предприятия, организатор приватизации. Специализация будет вводиться

во второй половине учебного года.

В-третьих, занятия из политизированного ДПП переносятся в помещении Научной библиотеки ТГУ, где сосредоточена вся новая литература по бизнесу и менеджменту, и слушателям закажут по их заявке и поднимут в читальные залы из книгохранилищ любую литературу, начиная со времен НЭПа и кончая годами перестройки.

Там же введен ряд дополнительных услуг: снятие ксерокопий с инструкций и законодательных актов, подбор литературы по теме и многое другое.

В-четвертых, для выпускников экономического и других факультетов открыто хозяйственное отделение по подготовке бухгалтеров - аналитиков малых предприятий. Начиная уже с этого года, мы можем распределить выпускников экономического факультета и на малые предприятия, реализовать на их производстве преддипломную практику.

— В чем существенная разница между двумя учебными заведениями: Высшей школой бизнеса и школой менеджеров?

— ВШБ ориентирована на получение второго высшего образования. Ее основная задача — изменить структуру специалистов и переподготовить инженеров, по числу ко-

торых мы лидируем на планете, для развивающейся рыночной экономики.

У школы менеджеров иные цели — оперативно помочь руководителям-практикам в овладении новыми знаниями, необходимыми для хозяйственных и социальных преобразований.

— Собираетесь ли вы расширять школу территориально?

— У нас имеется возможность открыть филиалы в Томске-7, Асино, Коллашево, Стрежевом или в любом другом районном центре, если число слушателей превысит 25 человек.

Для слушателей из районов области в школе менеджеров имеется заочное отделение с квартальными сессиями в Томске, где могут заниматься и томики, если не имеется возможности посещения вечернее отделение.

— Вы — специалист в области менеджмента. Как можно объяснить грандиозную экономическую катастрофу конца двадцатого столетия, происшедшую на территории СССР?

— Да, Россия дважды в этом столетии оказалась втянутой в неопробированные преобразования.

Для социального вируса защиты эксплуатируемых и униженных наций не смогла выработать социальной вакцины, и он дважды поразил нас. Его разрушительные последствия аналогичны. Популистское освоение рыночной экономики приближает к

такому же конечному результату, как и примитивное построение коммунизма. Причины этого я вижу в национальных особенностях народа — в генетическом плане социально-активного, но не получающего синхронного образования и развития в процессы, обещающие фантастический результат, но не имеющие конструкции и технологии, их реализации.

Задача наших школ — дать инженерам знания о современных системах хозяйствования, знания, которые не позволяли бы им ввязываться в утопические варианты, уметь вырабатывать в конечном счете ту социальную вакцину, которая бы останавливала грозные социальные эпидемии.

— У нас складывается мнение, что вы скептически относитесь к ориентации страны на рыночные отношения. Могли бы вы уточнить вашу позицию?

— У нас не хватило знаний и ума для использования мощностей управленческой системы двадцатого века в решении гуманистических проблем, и мы разрушили ее, как говорится, одним махом, в то время, когда еще не имели модели новой. У нас под партию была законспирирована, суперуправленческая машина, финансируемая за счет взносов рядовых коммунистов. Расформировав «партию», мы потеряли возможность управлять огромной терри-

(Окончание на 3-й стр.)

НА АДМИНИСТРАТИВНОМ СОВЕТЕ,

который, как обычно, состоялся в среду, рассматривались вопросы открытия межфакультетской специализации по культурологии, работы внештатных служб радиационной и химической безопасности в университете.

— Год назад был начат эксперимент по межфакультетской специализации по культурологии, — сказал в своем выступлении проректор по учебной работе М. Д. Бабанский, — и сейчас мы уже в состоянии подвести итоги. Эксперимент удался. И преподаватели, и студенты были заинтересованы в его результатах. Теперь этот эксперимент необходимо «узаконить», ввести в повседневную практику.

В связи с этим возникает немало трудностей. К примеру, к какой кафедре прикреплять группу культурологов? Были предложения прикреплять не к кафедре, а к факультету. Преждевременным оказалось и распространение эксперимента на все группы. Если у гуманитариев удастся заменить профессиональные спецкурсы на культурологические, то у физиков это сделать невозможно. В результате студенты технических факультетов, участвующие в эксперименте, оказались перегруженными. Поэтому теперь группа культурологов набирается из студентов ФилФ, ИФ, ФсФ, для других факультетов такие занятия станут факультативными.

По второму вопросу повестки заседания выступили представители служб радиационной и химической безопасности Н. Н. Кувшинов и Б. С. Прялкин.

Проверки соблюдения норм радиационной безопасности проводились. Грубых нарушений не отмечено. Самое напряженное место работы службы — территория Ботанического сада, где имеется источник радиоактивного загрязнения. Предложено вопрос о Ботсаде внести отдельным пунктом в решение административного совета.

Организовывались проверки и службой химической безопасности. На ХФ реактивы хранятся в металлических шкафах или ящиках, но их не хватает. Недостаточно и индивидуальных средств защиты, особенно резиновых перчаток. Тревогу вызывает доставка химвеществ из склада в шестой корпус. Лаборанты их переносят сами, т. к. специально оборудованной машины нет.

На совете решено передать эти две службы в подчинение проректору по научной работе, а также выделить отдельное помещение и оборудовать его согласно Основным санитарным правилам, приобрести соответствующие дозиметрические и химические приборы, включить в «Соглашение о мероприятиях по охране труда на 1992 год» строительство химического склада рядом с 6-м учебным корпусом.

Наш корр.

История Томского университета связана с именами многих замечательных ученых. К числу их относится и ботаник Лидия Палладиевна Сергиевская. Л. П. Сергиевская была одной из первых выпускниц Высших Сибирских женских курсов. Увлекательные лекции П. Н. Крылова, который читал на курсах ботанику, определили всю ее дальнейшую судьбу. Она стала неофициальной помощницей Порфирия Никитича по Гербарии, проводила огромную работу по оформлению коллекций, с увлечением занималась определением растений.

С 1921 года Лидия Палладиевна стала штатным сотрудником университета, была принята на должность младшего научного хранителя Гербария. С этого времени вся ее жизнь была посвящена изучению флоры Сибири и развитию Гербария.

Она ежегодно участвовала в длительных экспедициях, организуемых П. Н. Крыловым, в разные районы Западной Сибири. Как в экспедициях, так и во время обработки материалов в зимнее время, она работала с большим интересом и отличалась исключительной трудоспособностью, чем приводила в восхищение свое-

Жизнь — подвиг для науки

го учителя. Он старался передать ей как можно больше своих знаний в области биологии и особенно ботаники.

Лидия Палладиевна находила время для систематического глубокого изучения специальной литературы, быстро росла как ученый и вскоре стала квалифицированным соавтором фундаментального труда, начатого П. Н. Крыловым, «Флора Западной Сибири». Планируя охват флористическими исследованиями обширной территории Сибири, Порфирий Николаевич поручил Лидии Палладиевне самостоятельно заняться изучением интересной, мало изученной в то время флоры Забайкалья.

В 1931 году после смерти П. Н. Крылова Л. П. Сергиевская возглавила Гербарий и заведовала им около 40 лет, до конца своей жизни. Она творчески разрабатывала структуру Гербария, выделила ряд новых отделов коллекций, разработала систему флористических каталогов и каталогов Гербария, всемерно способствовала пополнению коллек-

ций, обеспечивая их такое же оформление, как было принято Порфирием Никитичем, активизировала обмен коллекциями с отечественными и многими зарубежными Гербариями. Много внимания она уделяла комплектованию библиотеки Гербария.

Благодаря инициативе и гигантскому труду Л. П. Сергиевской Гербарий совершенствовался, приобрел широкую известность как крупный ботанический центр. В Гербарии были созданы все необходимые условия для разносторонних ботанических исследований. Одновременно Лидия Палладиевна занималась завершением работы по написанию «Флоры Западной Сибири». При жизни П. Н. Крылова было издано 6 томов, Лидией Палладиевной изданы остальные 5 томов и дополнительный 12-й том, включающий дополнения и изменения, сделанные ею при ревизии этого 11-томного труда. Но на титульном листе всех томов «Флоры Западной Сибири» она сохранила имя одного автора — основоположника этого труда и



своего учителя П. Н. Крылова.

Л. П. Сергиевская была лучшим знатоком видового состава флоры Сибири. В годы Великой Отечественной войны она была незаменимым консультантом при организации особо актуальных в той обстановке работ по поиску новых источников растительного лекарственного сырья в Сибири.

После завершения работы по «Флоре Западной Сибири» она интенсивно занялась исследованием флоры Забайкальской Сибири, приступила к созданию другого крупного труда «Флора Забайкалья».

Л. П. Сергиевская внесла крупный вклад

в развитие систематики растений, описала 65 новых для науки видов, большинство из них эндемики, не встречающиеся нигде за пределами Сибири.

Труды Л. П. Сергиевской получили широкое признание у отечественных и зарубежных ботаников. Ученые степени кандидата, позднее доктора биологических наук и звание профессора ей были присвоены без защиты диссертации.

Л. П. Сергиевская была очень интересной, уникальной во многих отношениях личностью. Она была настолько предана науке, работала с такой увлеченностью, что не чувствовала утомления. В экспедициях, в труднодоступных, необитаемых районах эта миниатюрная женщина с рюкзаком и тяжелой, наполняемой растертыми ботанической панной выполняла такие пестрые маршруты, которые, казалось бы, послылись только хорошо тренированному спортсмену. В зимний период она работала в Гербарии с 8 утра и, с небольшим перерывом, до позднего вечера (23—24 часов) не только в рабочие, но и в выходные

дни. Исключения делала только в традиционные праздники, когда оставалась дома и занималась чтением художественной литературы, главным образом исторического характера. Она старалась не пользоваться очередными отпусками, считая, что от любимой работы отдых не нужен.

Лидия Палладиевна очень любила животных — и диких, и домашних, считала недопустимо жестоким их убийство ради потребностей человека. В связи с этим она с юношеских лет была вегетарианкой и никогда не носила вещей из натурального меха или кожи.

Деловитость, постоянная сосредоточенность на своей работе придавали Лидии Палладиевне несколько суровый вид. Однако в действительности она была очень добрым, отзывчивым, очень доброжелательным человеком, посвятившим всю свою жизнь развитию науки в Сибири.

Л. П. Сергиевская скончалась 21 сентября 1970 года и похоронена на территории Ботанического сада, рядом с могилой своего учителя П. Н. Крылова, где и установлен памятник этим выдающимся сибирским ботаникам.

А. Положий.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

Старые фотографии... Они хранят отзвуки событий, давно канувших в Лету. Но как много могут рассказать снимки. Вот смеющиеся люди на поляне, вот студенческая аудитория, вот очередной выпуск — перед глазами проходит история биолого-почвенного. Недавно на факультете произошло неординарное событие. После 17-летнего перерыва вновь была открыта кафедра физиологии и биотехнологии растений. Правда, последнее направление совсем новое. Появилось оно буквально в последние годы.

Впервые под названием «Кафедра физиологии и анатомии растений» она появилась в 1924 году еще на физическом факультете. Возглавил кафедру ее создатель профессор В. В. Сапожников. Личность весьма яркая. Его имя известно во многих странах мира.

В. В. Сапожников дважды был ректором университета и первым деканом физического факультета, — рассказывает Раиса Александровна Карначук, заведующая кафедрой, — он великолепно читал лекции. Раньше в университете существовала традиция — лучшие преподаватели в первый день занятий читали актовую лекцию — для всех желающих. Сапожников прочитал «Закон Гельмгольца и современное состояние физиологии растений». В ее основе лежат исследования, развивающиеся теперь в целое научное направление, — биотехнологию

растений. Первые биологи выросли на физическом факультете. И характерно, что биотехнология использует точные явления физики. Прекрасные лекции Сапожникова привлекали студентов. Недаром его называли «сибирским соловьем».

С 1924 до 1936 года кафедрой заведовал П. А. Савостин, которого Василий Васильевич пригласил из Одессы. Он был специалистом по магнитофизиологии. Так на кафедре возникло еще одно научное направление. П. А. Савостин после войны эмигрировал в Англию. Долгое время имя этого ученого вообще не упоминалось, хотя его идеи актуальны и сегодня. Дело в том, что П. А. Савостин во время войны находился в оккупированном Воронеже и имел чин губернатора при немцах. Во всей этой истории остается много неясного, но факт остается фактом и говорить о нем было запрещено.

До 1951 года кафедру возглавлял Кронид Тимофеевич Сухоруков. 3 года лысенковщины он оставил работу в Москве и приехал в Томск. Специалист в области иммунитета растений, удивительный человек — он много сделал для развития кафедры.

С 1951 по 1969 год заведующим стал Михаил Михайлович Окунцов. Большой ученый в области минерального питания растений, он делает интереснейшие работы. Михаил Михайлович открывает проблемную ла-

бораторию фотосинтеза. После его отъезда в 1974 году кафедру расформировали. И восстановить ее удалось только в марте 1991 года.

— Почему важна эта кафедра, — говорит Раиса Александровна, — физиология изучает функционирование, жизнедеятельность растений на планете, которые сохраняют нам достаточно кислорода для существования. Но если вырубят 15 процентов лесов на Земле, — люди начнут задыхаться. Потребление же кислорода растет. Представьте себе, лайнер ТУ-154 сжигает 36 тонн за один рейс, в то время, как человеку в год необходимо только 400 кг.

Для процесса фотосинтеза необходим квант солнца. 1 процент энергии солнца растения за пасают каждый год. Эта энергия эквивалентна 200 тысячам ГЭС, равным по мощности Куйбышевской. И к тому же растения единственные живые существа, которые из углекислоты и воды готовят всю органику на планете. Исследования по фотосинтезу ведутся давно. Но познать до конца этот, казалось бы, простейший и повседневный процесс и повторить в лабораторных условиях еще никому не удавалось.

— Биотехнология — это современный уровень физиологии растений. Это новое, необычное направление, — отмечает Александр Сергеевич Ревушкин, декан БПФ.

В герметически закрытой пробирке какая-то коричневая масса — ре-

зультат длительной работы над получением клеточной структуры растительной ткани, причем ткани, не зараженной вирусами. А все мы давно привыкли к картошке с «серой гнилью», (фитопфторой).

— В Голландии уже вырабатывается безвирусный картофель, — говорит Александр Сергеевич. — Можно получать культуру ткани от многих лекарственных растений, которые не растут в наших климатических условиях. Мы будем иметь многие ценные вещества в лабораторных условиях. Это экономит земельный фонд. Здесь много и теоретических моментов — как происходит превращение бесформенной массы в один организм.

— Это очень сложный процесс, — добавляет Раиса Александровна, — а у нас большие трудности с помещением. Раньше работа проводилась в лабораториях мединститута, но год назад они все расформировали. И сегодня от многолетних опытов у нас осталось только два ящика культуры ткани. Ведь если месяц их не пересеять в условиях стерильности — растения погибнут.

К чести университета было бы обратить внимание на развитие этого современного направления, но пока что нам очень нелегко. Конечно, большое спасибо университету, в столь сложное время открывшему кафедру, но как любой новорожденный без помощи «родителей» кафедра обойтись не сможет.

Мы благодарны Антонине Васильевне Положий, которая, будучи заведующей на кафедре ботаники, сохранила и помогла нам развить это направление.

Мы благодарны Александру Сергеевичу Ревушкину, декану БПФ, с его помощью кафедра физиологии и биотехнологии была восстановлена.

— Мне отрадно сознавать, — говорит Александр Сергеевич, — что рядом с исследователями работают и студенты.

Вера Ефимова из московской лаборатории генной инженерии привезла интересную культуру ткани валерианы. Там удалось перенести ген, который отвечает за синтезирование нужных веществ. Мы получаем формы, отличающиеся по ряду свойств. Это передовое направление молекулярной биологии.

Хочется рассказать о Дмитрии Шаяхметове. Прочувшись первый курс, он был призван в армию. Обратил Дмитрий вернулся, во-первых, накопив знания, во-вторых, собрав большой гербарий. Сдал все экзамены за второй курс. И перешел сразу на III. Сделал прекрасную курсовую по проблемам фотосинтеза. Причем работа гораздо выше уровня курсовой. Затем Дмитрий едет в институт в Пушкино. Он привез блестящий материал для исследования и предложение член-корреспондента Муромцева работать в этом институте над курсовой работой. Сейчас он учится на V курсе. Научными исследованиями занимается по-прежнему в Москве. Мы решили сделать Дмитрию не совсем обычную

практику. Он будет читать своим сокурсникам лекции по генной инженерии и биотехнологии.

Конечно, сейчас требуется восстановление и развитие факультета, новой кафедры, но не позволяет материальная база. Ничего не делать тоже нельзя. В сложнейших условиях приходится поддерживать эти исследования. Сейчас начато строительство нового корпуса биологии и биофизики. На каждом этаже будут располагаться кафедра и соответствующие ей лаборатории. А пока...

А пока просторное помещение, из которого преподаватели сделают мемориальный кабинет В. В. Сапожникова, завалят аппаратурой. Внизу, в полуподвале, Ирина Борисовна Бородина показала будущие учебные комнаты. По стенам расплелся грибок, везде по белизне известки расплелись синеватые сырые пятна.

— Физики предупредили, — говорит Ирина Борисовна, — если не прокохнет помещение, проводить опыты здесь будет невозможно.

Конечно, университет имеет полное право сказать: «факи введ потуи» — «Я сделал все, что смог...». Но латинскую поговорку можно и продолжить... «Пусть лучше сделает могущий». Кто сегодня может помочь новому, возникшему практически на пустом месте интересному научному направлению? Ведь такие затраты в конечном счете окупаются развитием науки, и, безусловно, напрямую зависящей от этого нашей жизнью.

М. РЫЖОВА.

После затяжных дождей и слякоти наступили ясные осенние дни. Утра были необычны для этих мест морозными. На сырых вмятинах асфальта за ночь образовывалась тонкая хрустящая корочка. Наступил: ледяная корочка трескается, а под ней пуста. К середине дня пригревало солнце и лишь изредка налетал пронизывающий холодный ветер — предвестник жесточайшей зимы.

Площадь была малолюдная, изредка пересекали ее видные издали одинокие прохожие, а по бокам ее, на тротуарах, прохаживались молчаливые часовые.

Не так давно здесь был пустырь со свалкой, площади едва ли исполнилось десять лет — чуть меньше, чем мне. Горожане с гордостью говорили, что это самая большая площадь то ли в мире, то ли в Европе. Скептики ворчали: чем, мол, гордиться? Пустым местом? Но аккуратно выложенное брусчаткой, окаймленное зданиями причудливого стиля начала тридцатых годов «пустое место» было красиво. Здесь проходили праздничные демонстрации и етокие дорогие сердцу пацанов военные парады.

Теперь площадь выглядела по-иному. Осклабился оголенным железобетонным каркасом сгоревший пятнадцатитысячный Дом Проектов, сурово нависали над площадью развалины взорванных зданий Медицинского института и гостиницы «Интернационал».

На всей площади стояла тишина, и лишь в ее торце, где проходила мимо обкома партии магистральная Сумская улица, стоял непрерывно оглушительный треск, похожий на пулеметную пальбу. Его издавали военные грузовики, работающие на низкоактановом топливе.

Улицы сохранилась лучше, чем площадь; на ней почти не видно было разрушений, и все выгляде-

ло почти так же, как месяц назад: много военных, на некоторых зданиях красные флаги. Но на военных были серо-зеленые шинели, а на флагах чернела свастика. Шел первый месяц оккупации...

Прохожие чаще всего что-то несли на горбу, либо катили груженные тележки. Голод еще не наступил, но призрак его уже маячил над городом. Люди проедали немудреные домашние запасы, тащили с недоуверенных пригородных полей тронутую преждевременными заморозками морковь и уже загнивающие кукурузные початки.

Ощутимым и острым был голод информационный, хотя такого сочетания в нашем языке еще не было. Где наши? Где фронт? И есть ли он? Что с Москвой? И что с Ленинградом?

Не работала радиосеть, а приемники были сданы в первые дни войны. Еще не выходила местная газета, и горожане питались противоречивыми слухами. От солдат в те дни еще хвастливо-разговорчивых, нельзя было ничего толком узнать. Их познания в нашей географии были фантастичны и, слыша незнакомое название, они на всякий случай говорили: «унзер». Одни заявляли, что Москва взята, и «Сталин — капут», другие — что окружена, третьи — что вот-вот...

Когда на площади был установлен громкоговоритель, информационный голод погнался туда горожан. В положенные предвечерние часы безудельно сменялось натолком. После бравурных, но надо признать, вполне благозвучных маршей, голос профессионального диктора на самом чистом украинском языке произносит военные сводки и распоряжения по городу. Украинский язык горожане понимали, хотя некая их часть говорила по-русски, а еще большая — на причудливой языковой мешанине.

Потом толпа торопливо расходилась, люди спешили попасть домой до комендантского часа.

В последние дни что-то изменилось. Все таким же хвастливым был тон сводок, но в них упорно повторялись одни и те же географические названия, либо они, вообще, не упоминались. Что-то у них не ладилось.

В день, о котором идет речь, люди собрались на площади и ждали, а громкоговоритель

ЮРИЙ ПАСКАЛЬ

ИЗ СЕРЕДИНЫ ВЕКА

Рассказ 3:

На площади

молчал. Толпа нервничала, сбивалась к торцу здания, к двухэтажному зданию обкома партии с широким балконом. Я не знал, почему людей тянуло сюда и что им было известно. Когда тебе одиннадцать лет, иногда замечаешь, что взрослые знают больше.

Я отстал от товарищей и был притиснут вплотную к стене здания, меграх в двадцати от балкона. Я не сразу понял, что произошло. И смотрел-то не в ту сторону, а все же уголок глаза схватил...

Есть у человеческой памяти удивительная способность снова и снова «прокручивать пленку», запечатлевшую некогда виденное. Я прокручиваю ее и сегодня. Изображение размыто, потому что с раннего детства, а может быть, и от рождения я был близорук, но очки не носил: пацаны презирали и третировали «четырехглазых».

Вижу, как распахивается дверь на балкон, и

двое в форме полицейских выводят третьего — такого же молодого парня с неестественно белым лицом. Замечаю короткую возню на балконе, ее смысл мне еще не понятен. Вдруг один из полицейских хватается за ноги и перебрасывает через перила. Тот повисает на веревке, дергается только один раз и затихает.

Я уже смотрю прямо на висящего, он совсем близко от меня. И пока

постигаю, что произошло, труп глухо ударяется об асфальт. Два других молодых полицейских подхватывают его и волокут за рукава, словно кулы за уголки, через улицу, в ближайший сквер, к выкопанной еще летом траншее, берутся за лопаты и присыпают труп землей.

Свершается все это быстро, но не очень ладно, растяписто как-то, поученически. И так не похоже на живописные сцены казни из исторических и военных фильмов! Где картинная фигура палача? Где громкогласное чтение приговора? Где последнее восклицание казнимого и злобный ужас казнящих перед его непреклонностью? Меня поражает не сам факт смертоубийства, а его будничность, обыденность.

Раздался знакомый дикторский голос, в этот раз почему-то по-русски: «Так будет с каждым, кто нанесет вред немецкой армии — нашей освободительнице».

Один из тех двоих, что стаскивал труп в траншею, возвращаясь, прошел совсем близко от меня. И тут же рядом со мной оказался Ленка Дубок, толкнул меня в бок:

— Зырь, кто это?

Я посмотрел и узнал: — Виктор? Из третьего подъезда? Бригантина? — Ну да! Он самый, — подтвердил Ленка и крикнул: — Эй, Виктор! Когда ты полицейским заделался?

Виктор не удостоил его своим вниманием.

— Виктор! — добавил Ленка. — Много уже перетаскал?

Виктор зло перекошил рот и сделал резкое движение, чтобы схватить Ленку, но тот увернулся...

А мне вспомнились весенние вечера, наш большой зеленый двор, на скамейке — «большие пацаны» с девушками. Мы часто со слегка брезгливым любопытством наблюдали за ними из-за кустов. Но в эти вечера последней весны не гоготали парни, не визжали девушки. С серьезными лицами пели они про бригантину, которая поднимает паруса в неизвестном манящем флибустьерском дальнем синем море. Да, да, еще нигде не напечатанная, эта песня уже в предвоенную весну пришла в наш город и, как говорили, привез ее из Москвы Виктор...

Догнав своих товарищей, домой мы шли большой гурьбой. Громко, с вскриками разговаривали:

— Пацаны, а пацаны! Видали, как он дернулся? Один только раз дернулся — и конец!

— Ну да! Это самая быстрая смерть.

— Быстрее, чем от пули, скажешь?

— Пуля — она смотря куда попадет.

— Стрелять надо прямо в висок или прямо в сердце.

— Ленка! А за что его повесили? Что он сделал?

— А ты не слыхал? Позавчера на Свердловском комендантuru взорвали.

— Это он взорвал? Тогда так и объявили бы. А то: «наносит вред немецкой армии»...

— А может быть, пацану сигарет стырил — это тоже вред.

— А что ты думаешь? У них нельзя тырить. Если стыришь у солдата, то он имеет право тебя на месте застрелить.

— Сергеев! А мы Виктора из третьего подъезда видели. Он в полицию служит.

— А ты не знал? Мы это давно знаем.

— Зачем он? — Зачем, зачем! Ради пайка. Пошамать ему захотелось.

— У них хороший паек.

— Ну не такой, как у немцев.

— У немцев тоже разный. Самый лучший у эсэсовцев — они шоколад едят.

— А попросить у них не пробуй.

— Да, простой солдат, хоть сухарь даст, а эти — гады!

— Не ори ты, дурак! — Сам дурак. Я — может быть, про партизан...

— Так тебе и поверят! А хреново будет Виктору, когда наши вернутся.

— Когда они теперь вернутся? А если вернутся, повесят.

— Не трепись! Наши не вешают, только расстреливают.

— Может быть, его не расстреляют. Он же не вешает, он только мертвяков таскает.

— А я бы все равно его повесил.

— Пацаны, а пацаны! А маханя сейчас, на черное, плачет.

— Какая? — Ну, маханя того.

— Конечно, плачет. А твоя бы не плакала?

— Жалко ее; скажи, нет?

— Ясно, жалко. А то не жалко?

Только через два года мы узнали, что в эти самые дни началось большое сражение под Москвой.

«Энергия» (НЭТИ), № 5.

Кадры рыночной экономики

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

торией и столкнулись не с кризисом, а с «развалом» производства продукции, необходимой для жизни народа. И сегодня за эту успешность приходится расплачиваться кровью и нуждой, об истинных масштабах которых мы еще не имеем реальных представлений.

Отвечая на ваш вопрос об уточнении позиций, я хочу сказать, что не собираюсь врать и обманывать людей о быстрой отдаче от ориентации на рынок. Нам предстоит создать сначала конст-рукцию, потом технологию русского рынка, а затем только осуществить его реализацию. Все это стоит 1,5—3,0 тр. рублей, то есть больше, чем годовой продукт, и равно той стоимости государственности, которую мы собираемся приватизировать. Такие вложения мы быстро не осилим, а значит, потеряв управление, уменьшим выпуск продукции, усиливая нищету в стране.

— Над решением ка-

ких проблем работают ваши выпускники?

— Прежде всего, это проведение обособленной и разумной приватизации. Мы ориентируем наших слушателей на создание народных предприятий. Этот процесс нельзя форсировать, а опыт еще и показывает, что это не панацея от всех хозбед. Активность трудящихся даже на народных предприятиях сейчас возрастает не настолько, чтобы об этом много и долго говорить. Это несколько лучше, чем государственность, но не то, к чему мы стремимся. Сложно механизм учета личного вклада каждого трудящегося в таком коллективном товариществе. Западные профессора говорят, что коллективное — это, значит, бесхозное. Отсюда мы много внимания будем уделять мотивации персонала на таких предприятиях и находить иные варианты, если этот окажется популистским.

— Нам известно, что у вас на академическом факультете обучается

представительная часть первых и вторых руководителей наших предприятий. При этом подготовка ведется на основе долговременных программ. Что это дает томскому менеджменту?

— Я ничего не говорил об этом факультете только потому, что мы не проводим новый набор. Сейчас у нас работают три группы. Последняя занимается с апреля месяца 1991 года. В нее мы можем взять на конкурсной основе еще 3—5 человек. Работать с этими группами сложно, и мы исчерпали свои возможности в плане обеспечения научным руководством каждого слушателя.

Новую группу будем набирать лишь после того, как пройдут защиты кандидатских диссертаций в первой, то есть через 2—3 года.

Сегодня наши руководители участвуют в научно-практических конференциях, выступают с докладами, их тезисы публикуются, они становятся научными руководителями проблемных исследо-

вательских групп в своих коллективах.

Обобщая результаты двухлетних занятий с руководителями, мы смело делаем вывод о том, что одновременно с навыками администрирования они успешно осваивают механизм творческого управления, что возвышает их на порядок относительно «старых» управленцев. Наши руководители готовятся к серьезной хозяйственной работе, условия для которой должна предоставить разумная рыночная ориентация экономики.

— Ваши школы работают на хозрасчетной основе. Назовите цены подготовки специалистов.

— Цены каждый год изменяются. В этом году они возросли, как и на другие товары и услуги, и выглядят следующим образом: годичное отделение менеджмента — от 4 до 6 тысяч рублей, факультеты Высшей школы бизнеса — 7 тысяч рублей в год, целевые курсы — от 300 до 1,5 тысячи рублей.

ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

В «час пик» университетская столовая является собой невеселое зрелище. Большая унылая очередь занимает треть помещения, а рядом пустуют зал комплексных обедов и преподавательское кафе «Минутка».

В близи-интервью ситуацию пояснила директор столовой Н. Ф. Летягина:

— Зал комплексных обедов мы открывали обычно к середине сентября, в принципе он готов и начнет работать в ближайшие дни. В «Минутке» уже два года неисправна вентиляция, однако строители обещали подготовить помещение к 13 сентября.

Звучит оптимистично. Может, и действительно, строители проявят невиданную доселе ревность, и в два дня исправят двухлетние недоделки? К тому же, на работу вышла бригада учеников (более 10 человек), и, наверное, скоро будет горячая вода, что позволит пользоваться автоматической мойкой. Очереди станут меньше.

Словом, доживем до понедельника...

ИЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

НЕ ПОМОГЛО!

В Оксфордском университете (Англия) один студент, раскопавший средневековое постановление, по которому выпускникам полагают бесплатно выдавать полтора литра пива, потребовал «не нарушать старой традиции».

Университетские власти «порадовали» его... штрафом в размере семи фунтов стерлингов: по-рыбьсь в архиве, они обнаружили еще более старое постановление,

что выпускники обязаны носить мечи, и наказали студента за «нарушение старой традиции».

ПЕРЕД ЭКЗАМЕНАМИ

В университете города Атланта (США) ежегодно экзамены организуется драка, в которой принимают участие студенты и профессора. По мнению драчунов, такая процедура помогает освободиться от нервного предэкзаменационного напряжения.

«Энергия» (НЭТИ), № 5.

Искусство книжного знака

Чем больше утрачивает наш город свой облик, выгорая, разрушаясь, уступая улице за улицей новостройкам, воплощающим в бетоне нищету советской эпохи и ее архитектурной мысли, чем меньше в нашем городе остается томского — оригинального, человеческого, уютного, — тем дороже становятся изображения, передающие томский стиль, историю томской жизни.

Нынешней весной появился на прилавках «Искры» и других книжных магазинов элегантный томик. На светло-серой супербложке — наметенной белой линией карточка, а в черном овале — монограмма «М. В.». Смысл ее ясен из названия книги: «Владимир Марьин. Эксилибрисы». Со вкусом оформленный миниатюрный альбом выпущен Томским книжным издательством. 60 собранных здесь репродукций (части говоря, хорошего качества) представляют итог семнадцатилетних трудов томского графика, участника международных выставок, послужившего своим резцом искусству книжного знака — экслибриса.

Искусство это насчитывает несколько веков. В начале нынешнего столетия дань экслибрису отдали почти все выдающиеся русские графики.

В нашем университетском городе всегда ощущалось поле книжной культуры. Ощущается и сегодня — несмотря на признаки ее кризиса. Благодаря Владимиру Марьину ощущение это закреплено материально, оформлено в эмблему: образы Томска и томичей стали сюжетами эксли-

брисов, Марьин показал себя талантливым гравером, перенося на книго-владельческие знаки виды Томска, облагороженные деревянным «модерном» и каменной архитектурой прошлого века. Держу пари: тот, кто перелистает альбомчик, чуть-чуть иначе смотрит потом на знакомые строения, невольно ориентируясь на марьянские ракурсы. Невольно проникаясь ностальгией по старому Томску.

Заметную долю в его альбоме составляют экслибрисы исследователей и почитателей «Слова о полку Игореве», к числу которых относится В. Марьин. Стилистика этих книжных и памятных знаков позволяет назвать гравера продолжателем высокой традиции, заложенной классическими иллюстрациями В. Фаворского к «Слову».

Мне кажется, Владимиру Алексеичу лучше всего удаются экслибрисы владельцев, лично и хорошо ему знакомых. (В октябре художнику исполнится 50 лет. 30 лет из них он живет в Томске). Думаю, те, кто знает «магистра» местных библиофилов В. В. Лобанова или журналиста Б. Р. Бережкова, книголюбов В. В. Миневича или В. П. Домаевского, согласятся со мной. Разнообразие художественных приемов составляет сильную сторону дарования Марьина: от изысканной стилизации в духе «мирискусников» (эксилибрис Н. и С. Ваксмана) до остроумной изощренной псевдоэротического содержания (эксилибрис Н. Белянова и Т. Гудзенко, 1976 г.). Целая галерея подобных работ неясно, а по-



рою причудливо запечатлела культурную жизнь Томска 1970—80-х гг.

На их фоне проигрывает, на мой взгляд, «пушкинский» цикл. (Исключением служит лаконичный книжный знак Э. и В. Марьяных). Эксилибрисы, построенные на цитатах: текст, рисунок поэта, а иногда еще и на его автографе — скорее скрывают индивидуальность поэта, чем намекают на нее. Порой дело доходит до курьеза. Эксилибрис А. Кузнецовой содержит пушкинские стихи к Наталье Гончаровой и ее портрет (безупречно воспроизведенный). Комический эффект возникает, когда вспоминаешь дамскую прозу писательницы, излагающей брачно-любственные коллизии по-

та с позиции супруги члена ЦК.

В предисловии к альбому известный искусствовед, знаток истории экслибриса С. Ивенский дал сжатый, но всесторонний анализ миниатюры В. Марьяна. В частности, он пишет: «Работа над экслибрисами — это надо подчеркнуть — не служит художнику источником заработка. Он просто дарит свои работы тем, кому они дороги. Это своего рода знак дружбы и уважения, часто даже без особой на то просьбы библиофила, проявление душевной щедрости автора». Знаю, что к словам Ивенского присоединяются десятки томи-

Б. ПОЙЗНЕР.
Фото С. Двигинашова.

К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

Посвящается еврею и истинному патриоту России Илье Кричевскому.

Благодаря своей энергии и высокому уму, благодаря этому накопленному в школе долгих страданий и передаваемому из поколения в поколение капиталу духа и воли, еврей повсюду должен иметь успех, возбуждая ненависть и зависть; и вот, почти у всех современных наций начинает преобладать литературное неприличие: евреев тащат на бойню в качестве козлов отпущения за всевозможные внешние и внутренние недостатки... Каждый народ, каждый человек имеет неприятные и опасные качества, поэтому жестоко требовать, чтобы еврей составлял в этом отношении исключение. ...Я хотел бы однако указать, насколько при общей оценке следует быть снисходительным к народу, пережившему не без нашей вины печальнейшую историю, какую переживали когда-либо народы; к народу, которому мы обязаны самым любвеобильным человеком (Христос), самым правдивым философом (Спиноза), самой могущественной книгой и самым влиятельным в свете нравственным законом.

(Фридрих Ницше).

...Я в последнее время имел случай убедиться, что в действующей русской интеллигенции самый честный элемент есть все-таки еврейский.

(Владимир Соловьев).

Я убежден, я знаю, что в массе своей еврей — к изумлению моему — обнаруживают более разумной любви к России, чем многие русские. (...) Я не верю в успех клеветнической пропаганды антисемитизма. И я верю в разум русского народа, в его совесть, в искренность его стремления к свободе, исключавшей всякое насилие над человеком. Верю, что «все минется, одна правда останется...». Еврей почти всегда лучший работник, чем русский, на это глупо злиться, этому надо учиться.

(Максим Горький).

Нет ничего легче, как убедить людей низкого уровня сознательности, что во всем виноваты евреи. Эмоциональная почва всегда готова для создания мифа о мировом еврейском заговоре, о тайных силах «жидомассонства» и пр. Я считаю ниже своего достоинства опровергать «протокол сионских мудрецов». Для всякого, не потерявшего элементарного психологического чутья, ясно при чтении этого низкопробного документа, что он представляет наглую фильсификацию ненавистников еврейства. К тому же, можно считать доказанным, что документ этот сфабрикован в департаменте полиции. Он предназначен для уровня чайных «союза русского народа», этих отбросов русского народа. (...) Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия, будьте великими учеными и философами. Борьба с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унизительно думать, что свобода всегда оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для неевреев.

(Николай Бердяев).

Подготовил В. ТОМИЛОВ.

„БАНДА ФЕРРЕРИ“ НА ЭКРАНАХ ТОМСКА

В рамках фестиваля итальянского кино будут демонстрироваться фильмы Марко Феррери — «итальянского Бунюэля». С великим сюрреалистом Феррери роднит не только то, что он делал первые свои картины в Испании, но и стилистика фильмов. Язывительное осмеивание социальных, религиозных и моральных устоев, исследование вырождения буржуазной элиты.

Томичи увидят четыре фильма режиссера. С полной уверенностью можно сказать, что они нашего не очень искушенного зрителя приведут в шоковое состояние. Попытаюсь обосновать данное утверждение.

«Прошай, самец», в главных ролях: Ж. Делардье, М. Мастоляни. Фильм можно было бы назвать «Последний мужчина», так как почти все картины М. Феррери, и эту, в частности, пронизывает идея о крахе мужского начала во всех сферах жизни от секса до политики.

Это и своеобразная притча о близком конце света. Нью-Йорк в «Прошай, самец» кажется городом из мрачных фантазий о разгуле террора

и насилия в недалеком будущем. Лафайет, работающий электриком в театре и помогающий приятелю в странном антропологическом музее, живет в заброшенном подвале, где обитают огромные крысы. Однажды он находит маленького обезьяньего детеныша и привязывается к нему сильнее, чем к возлюбленной, ожидающей ребенка, чем к другим женщинам, испытывающим интерес к мужчине только как к самцу. Знакомый Лафайета заканчивает жизнь самоубийством, в одну из ночей крысы загрызают обезьянку, а сам Лафайет гибнет в пламени горящего антропологического музея, вместе с которым, кажется, приходит конец и всему человечеству. И, как призывная надежда, последний сон умирающей, вырождающейся цивилизации — женщина с маленьким ребенком на берегу залива. Надежда призрачна, но она все-таки есть.

В «Большой жратве» Феррери не оставляет никакой надежды на спасение — человечество умирает, обвешившись устриц и паштетов, пресытившись сексуальными удовольствиями. История

о том, как четверо друзей (Филипп Нуаре, Марчелло Мастоляни, Мишель Пиккали, Уго Точьяцци) уединяются от мира и собираются вместе для того, чтобы предаться «гастрономическому муравзрату», заканчивается трагически не только для них. Это страшное предсказание возможной судьбы человечества.

Им всем уготован один конец. Они собрались здесь для того, чтобы умереть, уничтожить самих себя, делая лишь небольшие перерывы на сон, отправленные физических надобностей, включая секс с проститутками и соседкой-учительницей (нужно отметить, что процесс жратвы происходит на фоне процесса секса), они прежде всего жрут, жрут, жрут — до самой смерти. Кстати, даже проститутки, которых доставил проницательный и озабоченный герой М. Мастоляни, в конечном итоге уходят, уходят, потому что у них есть в этой жизни еще какой-то смысл, уходят, потому что хотят остаться в живых. Финал картины представляет собой мертвое царство. Покидает этот мир последний из друзей (Ф. Нуаре), кото-

рого «допекло» необозримых размеров желе в форме женской груди. И осталась только соседка-учительница, на глазах у которой приняла смерть наша героиня; она как олицетворение «вечной жратвы» и вечного сексуального неудовлетворения. Человечество съело самих себя. Даже иллюзии на спасение нет.

Фильм «Не тронь белую женщину» по своей жанровой природе можно назвать историческим гротеском. Более замысловатую и экстравагантную картину трудно себе представить. В основу положены события, имевшие место в 70-е годы 19 века в Америке, когда возведенный в ранг национального героя полковник Кастер расправился с остатками индейских племен, сопротивляющихся «белой цивилизации» (эта эпоха и персонажи положили начало вестерну). Феррери сместил координаты времени и пространства. Под музыку призывно звучащих старых военных маршей в современном Париже разыгрывается кровавое побоище между войсками белых и невесть откуда взявшихся индейцев. Абсурд ситуации нара-

стает от первого до последнего кадра. Абсурдна и белая женщина, которую нельзя трогать (Катрин Денев), и индеец Мичу (Уго Тоньяцци), которому как раз и запретил Кастер (Марчелло Мастоляни) ее трогать.

Фильм нельзя назвать полной удачей ни для режиссера, ни для актеров, Мишель Пиккали объяснял неуспех фильма тем, что зрители не любят, когда известные

артисты делают из себя карикатуру, переходят грань фарса.

Всю свою творческую биографию М. Феррери пытался поверить в несбыточную мечту о новом начале; поверить в женщину.

«История Пьеры» продолжает разрабатывать тему женственности, призванной обновить дряхлеющий мир, в ностальгическом ключе.

Фильмы М. Феррери — изысканное, необыкновенное, завораживающее зрелище.

А. БЕРНАТОНИТЕ

КИНОКОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ УНИВЕРСИТЕТА

Впервые в СССР: шедевры итальянского кино, не известные в СССР. Только у нас!

16—17 сентября. «Василиски». Режиссер Линя Вертмюллер.

Сеансы: 12, 14.45, 16.30, 18.45, 21.

18—19 сентября. «История Пьеры». Режиссер Марко Феррери. В главных ролях: Ханна Шигула (приз за лучшую роль в Каннах), Изабель Юппер, Марчелло Мастоляни.

Сеансы: 12, 14.45, 16.30, 18.45, 21.

Вход в зрительный зал через главный корпус университета.

В областной писательской организации (пр. Ленина, 111, Дом творческих организаций, 2-й этаж) продолжается работа «Секция рассказа», которой руководит Василий Афонин. Приглашаются все, пробующие писать прозу. Очередное занятие «Секции рассказа» состоится 19 сентября в 6 часов вечера.